

18+

Александр
Тихорецкий

*Танюша. До
востребования...*

Александр Тихорецкий

Танюша. До востребования...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72326707

ISBN 9785006775213

Аннотация

«Танюша. До востребования...» – повесть о любви очень разных, совсем не похожих людей. Он – бизнесмен, достигатор, прожженный, циничный и убежденный плейбой, она – юная, романтическая, наивная. Но «злодейка» любовь плевать хотела на подобные мелочи, уж коли она решила осчастливить кого-нибудь – значит, так тому и быть. И вот уже рушатся преграды, устои и судьбы, и железная рука тащит наших героев к развязке, туда, где вопрос «быть или не быть» приобретает совсем не фигуральное значение... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Танюша. До востребования...	5
I	6
II	17
III	28
IV	34
Конец ознакомительного фрагмента.	46

**Танюша.
До востребования...**

Александр Тихорецкий

© Александр Тихорецкий, 2025

ISBN 978-5-0067-7521-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Танюша. До востребования...

I

– Привет! – за столик, прямо напротив, уселась какая-то развязного вида девица, – занятый своими размышлениями, Снегирев сначала даже и не понял, что произошло. – Можно?

Очевидное несовпадение последовательности слов и действий нарушили и без того хлипкое душевное равновесие; растерянность, впрочем, длилась недолго.

– Простите, здесь занято. – да, вот так – вежливо, сухо – должно сработать, отпугнуть.

– Да ладно тебе! Ты же один! – девица явно наслаждалась своей бесцеремонностью и экстравагантностью, его замешательством, вообще гривуазностью ситуации.

Снегирев только вздохнул – вот ведь! повезло, что называется! Что ж за день сегодня такой!

Он улыбнулся, подпустил в голос благожелательности, – надо оставаться вежливым в любых обстоятельствах.

– Я жду человека. Сейчас ко мне придут.

– Ну, вот когда придут, тогда и встану! – девица откинулась на спинку, закинула ногу на ногу.

Снегирев всмотрелся – юная, совсем еще ребенок, лет 17—18, не больше. Светло-русые с рыжинкой, чуть выющиеся волосы, носик чуть длинноват, зеленовато-серые (янтарные?) глаза. Цветастый откровенный сарафан, простенькая

сумочка, никаких украшений, кажется, навеселе. Вот же везение! Вспыхнуло было раздражение – он тут же его погасил – нет-нет, неконструктивно, ненадежно, наверняка только усугубит; зачем ему скандалы.

– Я жду девушку, понимаете? Она же черт знает, что может подумать. – он изобразил (постарался) заговорщицкий вид, улыбнулся.

Девушка погрустнела.

– Ясно... Жаль... Ладно, пока тогда... – она встала, села неподалеку, за свободный столик, – Снегирев успел заметить стройную талию, красивые (сильные икры, породистые щиколотки) ноги. А вот босоножки подкачали – старенькие, стоптанные, вкуче с сумочкой и сарафаном мелькнуло – работает? индивидуалка? Такая юная, еще, небось, непрофессионалка; ах, эти клубнично-карамельные скороспелые плоды, урожай пубертата, трансформация гусеницы в бабочку! Первый опыт запретного, стыдливо-порочная непосредственность, только-только разбуженная чувственность – неплохо было бы! И тут же – ну что ты за человек! Неисправимый, горбатого могила исправит!

Девушка, между тем, демонстративно закурила, вызывающе и заговорщицки улыбнулась, он спрятал взгляд, сделал вид, что занят кофе. Да-да, вот так, не об этом сейчас думать надо.

Через пару минут пришла Вика, – он заметил ее издали – высокая, эффектная, броская; заныло, защемило серд-

це.

– Привет. – Вика уселась то тот же самый стул, на котором только что сидела девица. – Давно ждешь? – прости, пробки.

Снегирев мгновенно взвесил услышанное, корреспондировал с ощущениями. Да, это «давно ждешь» и вскользь и вдогонку добавленное «прости» не оставляли никаких сомнений и шансов в расстановке оттенков и акцентов – лишь необходимый и неважный довесок, дань вежливости и ситуации.

– Не очень. Будешь что-нибудь?

– Кофе, наверно.

Он кивнул замершему в полупоклоне официанту

.– И мне повторите.

Официант ушел, воцарилось молчание. Отчаливающий от схода прогулочный катер дал гудок, гроыхнула музыка.

– Вот же, блин! До сих пор бегают! Кажется, еще в школе на нем катался. – Снегирев взглянул на жену – та смотрела в сторону, улыбалась своим каким-то мыслям. Мгновенно вспыхнуло острое, горькое – ну, почему! почему все так! Почему у всех разговаривающих с ним в последнее время вот такой вот взгляд! Будто он им врет, несет черт знает что, и они просто терпят, пропускают мимо ушей!

– Вика.

– Что?

– Нам надо поговорить.

– Говори.

– Ты не слушаешь.

– Откуда ты знаешь?

– Я это вижу. У тебя на лице написано.

– Вот как? Ты научился читать по лицам? Давно?

Нет, так больше невозможно! Он схватил ее за запястья,

встряхнул.

– Да ты просто думаешь о своем! Ты просто не слышишь ничего!

Она вскрикнула, скривилась от боли.

– Ты дурак?! Совсем уже с катушек слетел?!

Снегирев опомнился.

– Прости! Прости, ради бога! Я просто хотел!..

Нет. Все. Поздно – прекрасное лицо искажено гримаской плача, в глазах – горошины слез.

– Знаешь? А мне плевать, что ты там хотел! Зато я знаю, чего хочу я! А я хочу, чтоб тебе было плохо! Так же плохо, как было мне! И все твои объяснения и извинения можешь засунуть себе в задницу! Ты меня предал! – понимаешь? Ты меня предал, Снегирев! Все, что у нас было, что могло быть! И теперь – все! Вот, забирай свое вонючее кольцо! – она стянула с пальца кольцо, бросила на стол. – И все! И больше ничего не будет! Ни встреч, ни разговоров, все коммуникации – через адвоката! Адью!

Она поднялась, едва не столкнувшись с официантом, вышла, почти выбежала из кафе, – Снегирев было рванулся следом, но вдруг увидел все со стороны: убегаящую и пла-

чушую Вику, догоняющего неуклюжего себя, остановился. Огляделся – у всех посетителей на лицах застыло выражение живейшего интереса и возбуждения, – нет, конечно, нет. Он не будет устраивать бесплатное шоу для празднующейся публики, для скандальных видеороликов, он здесь не клоун.

Он уселся обратно, стал вертеть брошенное колечко. Вот и встретились, вот и поговорили... И что дальше?

Кто-то присел за столик, он поднял глаза – та самая развязная девица.

– Уже можно?

Снегирев не ответил, посмотрел в сторону ушедшей жены; девица заявила:

– Нет. Она не вернется.

Вот, еще одна ясновидящая!

– Какие мы прозорливые!

– Сейчас, во всяком случае. Надо недельку, а то и две, чтоб остыла. Судя по темпераменту.

Снегирев съязвил:

– Психоаналитиком не подрабатываешь, случаем?

– Ваш сарказм неуместен, сударь, – девица (откуда-то пришло: «беспризорница») капризно надула губы, кивнула на Викину нетронутую чашку с кофе: – Можно? Не пропадать же добру.

Снегирев кивнул, каким-то непостижимым образом болтовня забавляла, отвлекала. Желание остаться одному посте-

пенно уступало любопытству.

– Может, что-нибудь к кофе?

«Беспризорница» чопорно оттопырила мизинец.

– Пирожное, шоколадное бизе.

Он взмахнул рукой, подзывая официанта.

– А с чего ты решила, что она... ну, не вернется?

– По многим причинам. Но вообще – слишком эмоционально вела себя. Такие действуют импульсивно, создают сильную инерцию, – я сказала неделю? Не факт – вполне вероятно потребуются и месяц, и два. Кто ж вам виноват – женитесь на истеричках.

– Но-но, выбирай выражения!

– А что выбирай! – «беспризорница» откусила пирожного, измазала нос в крем. – Это ж надо такое придумать! Кольцами золотыми швыряться! – лицо ее вдруг сделалось умильным, трогательным. – А можно посмотреть?

– Смотри. – Снегирев бросил кольцо на стол, преувеличенно и аффектированно небрежно – так и должен поступать настоящий, сильный мужчина, мачо; девчонка подняла, поднесла к глазам.

– Какая красота! А это что? бриллиант, да?

– Бриллиант. – Снегирев был польщен. – Такое ощущение, что ты колец в жизни не видела.

«Беспризорница» вздохнула.

– Видела. Только недолго. Мне дедушка тоже кольцо подарил, когда я совсем маленькая была. А папа в ломбард от-

нес, да так и не выкупил, так оно там и пропало.

Снегирев усмехнулся.

– Понятно.

– Ничего тебе не понятно! У меня папа – художник, он картину написал, а заказчик не заплатил!

– И это понятно, – Снегирев перегнулся через стол, салфеткой отер с ее лица пирожное, – девчонка сидела, затаив дыхание, не шевелясь. Потом вдруг выпалила:

– Может, оно и к лучшему, что ушла – не стоит она тебя.

– А это с чего ты решила?

Она пожала плечами.

– С того! Невооруженным взглядом видно! Фифа, вся из себя! Богатая наследница, наверно, привыкла, чтоб все по ее было, вот и выпендривается. А ты – селфмейд, красавчик, я бы от такого никогда не ушла.

Последняя фраза была произнесена невинным тоном, как бы в проброс, неожиданно (ты неисправим, Снегирев!) он понял, что ему приятно.

– А вдруг есть за что? Вдруг я заслужил?

«Беспризорница» состроила гримаску.

– Ой, ну что ты там такого мог натворить? Изменил, что ли? И что? Все изменяют, мужчина – охотник, эволюционный штамм, гендерный профиль, нужно просто смириться.

Снегирев рассмеялся, разговор занимал все больше и больше.

– А ты? Ты бы простила?

Девушка фыркнула.

– Еще бы! Говорю же – всего лишь физиология, фрикции, что-то вроде кардиостимуляции.

Он еще раз окинул ее взглядом – нет, все-таки, не проститутка. Внезапно шевельнулось, ощутилось что-то вроде патернализма, отцовской нежности.

– Тебе лет-то сколько, всезнайка?

Пунцовые губки сложились гузкой.

– Это моветон – спрашивать девушку о возрасте.

– Я это к тому – исполнилось ли вам 18, миледи.

Губки презрительно растянулись.

– Нужно спрашивать – исполнилось ли вам 16. В нашей стране возраст согласия именно такой.

Снегирев подавил смешок.

– Да ты откуда такая взялась, вундеркинд?

– Откуда взялась, там уже нет. – девушка вдруг посерьезнела. – Вот твое кольцо, за кофе с пирожным – спасибо. А мне пора. Пока-пока, было приятно...

Он удержал ее за руку.

– Подожди, но мы же еще и не познакомились!

Девушка не делала попыток освободиться.

– Зачем? Как говорится: «что тебе в имени моем?». И вообще – к чему лишние заморочки, встретились, разбежались.

– А просто из благодарности? за пирожное?

Она окинула его взглядом.

– Да ладно, ты же не жлоб.

– А, может, хочю знакомство продолжить? Или ты в бегах? Или это военная тайна? Кодекс тайного общества любителей шоколадных бизе?

Девушка улыбнулась, освобождая руку.

– Тоже мне тайна... Татьяна я, Татьяна, если угодно...

Снегирев изобразил приветствие.

– А я Алексей, – видишь, и ничего страшного не случилось. – смутное, зыбкое понемногу вырисовывалось, оформлялось. – Слушай, Татьяна, у меня к тебе предложение.

Девушка насупилась, сразу превращаясь в «беспризорницу».

– Я не из этих.

И снова – вот это – отцовское, жалость вперемежку с нежностью.

– И я не такой. Просто, понимаешь, – он почти не врал, – хреново после размолвки, пусто на душе – надо бы чем-нибудь заполнить.

Таня смотрела неуверенно, настороженно.

– И что предлагаешь? Если не «это»?

Снегирев облокотился на стол, заглянул в янтарные (да-да! именно!) с прозеленью глаза.

– А что, если мы прямо сейчас поедем куда-нибудь и закажем пир? В каком-нибудь шикарном заведении? Закажем деликатесы, дорогое вино? Зальем, так сказать, пожар?

– У меня никакого пожара нет.

– У меня зато есть. Я буду заливать, а ты – ассистировать.

И – никаких домогательств-кобелятельств, слово даю.

Настороженность мутировала недоверчивостью.

– Ты серьезно?

– Разумеется! – Снегирев все больше и больше воодушевлялся идеей. – Давай, погуглим, выберем какое-нибудь местечко, – признаться, давно уже не бывал нигде, вообще, поляну не секу.

Девушка неожиданно поскучилась.

– Не получится.

– Почему?

– Потому, что... – маленькое, детское совсем ушко вприсвет золотистых прядей порозовело. – Потому, что я не так одета.

Он готовно потрянул ключами от машины.

– Да и ради Бога. Съездим к тебе – переоденешься.

Ушко стало свекольным.

– У меня и там... Короче, не получится ничего, придется тебе кого-нибудь другого поискать. Или другую...

Снегирев нашел ее руку, сжал.

– А знаешь, что? У моего приятеля магазин одежды, он все звал, звал, скидки обещал. Поехали, посмотрим – может, чего тебе и подберем?

Девчонка взглянула исподлобья, шмыгнула носом.

– Ну, совсем уже «красотка» получается. Еще и должна

останусь.

Снегирев почувствовал вдруг себя великим, щедрым, вершителем судеб.

– Да ничего ты не будешь должна! Забудешь уже завтра! Ну! Соглашайся! Едем?

Таня неожиданно улыбнулась, смущенно, растерянно.

– Едем...

II

Он повез ее в бутик с незатейливым названием «Проспект», принадлежащий Марине, Викиной подруге, одной из столпов и икон городского бомонда,. На первый взгляд – слишком и неоправданно рискованно в создавшейся ситуации, но привычная властная манера, дерзость брали верх, неуверенность и чувство вины оттеснялись потребностью действия, – в конце концов, почему и не отомстить посылно, не уколоть? Хотя бы и вот так, на грани фола? Перебор? – а это мы еще посмотрим! И потом – никогда не поздно сдать назад, и ничто так не добавляет извинениям искренности и не делает их такими действенными, как реальная неправота. Да и просто – поводить носом, разведка боем, – где наша не пропадала, семи смертям не бывать.

Он оставил Таню в зале, прошел в подсобку, толкнул дверь с табличкой «директор». Марина встала навстречу, улыбаясь (радуется?) потерлась (ритуал) щекой о щеку.

– Привет-привет, возмутитель спокойствия!

Снегирев плюхнулся в кресло.

– Уже в курсе?

– Все уже в курсе, – Маринка (точно радуется!) смотрела весело, с любопытством. Он притворился рассеянным, отстраненным.

– И каковы мнения?

Собеседница рассматривала его, будто диковинный фрукт или экспонат кунсткамеры – элегантно-монументальная, снизошедшая с высот.

– Разделились. А, вообще, Снегирев, с каких это пор тебя чужое мнение беспокоит?

– Ну, не скажи, не скажи! Жить в обществе, и быть свободным от общества невозможно, – классик еще когда-то сказал.

– Что ж ты раньше об этом не вспомнил?

– Ну, знаешь ли, бывают такие моменты, когда...

– Короче, кобель ты, Леха – вот, что я тебе скажу! – улыбка исчезла, оставив истинный, безапелляционный остов – неприязнь, брезгливость.

Снегирев смотрел на собеседницу, захотелось немедленно, вот прямо не сходя с места поколебать ее это куртуазное, патрицианское превосходство, весь этот образ высокоморальности и небожительства.

– Фи, как грубо, Мари! А где же индивидуальность? Душа? Вдруг я мечусь в поисках идеала, той единственной и неповторимой, предназначенной небом?

Собеседница рассмеялась, кивнула на экран монитора, на замершую посреди стеллажей и манекенов Таню.

– Ага! Именно поэтому таскаешься с какой-то пилоткой! Ей хоть 18 есть? Паспорт проверял?

Эх! была не была! Он присел перед ней на корточки, подпустил грусть, томность.

– Ты ничего не понимаешь. А вдруг это повод? Повод, чтобы увидеть тебя? – ты не задумывалась над этим?

Небожительница смотрела сверху вниз, что-то мелькнуло, шевельнулось на дне глаз.

– Все играешь... Не наиграешься никак...

Он положил руку ей на колено, не отводя взгляд, повторил:

– А, может, я серьезно? С тобой – серьезно?

Пауза подвисла, колено под рукой мелко подрагивало.

– Скажешь тоже... Сдурел, что ли, совсем...

Рука все выше, выше, маска божества дрогнула, глаза подернулись истомой.

– Что ты делаешь... Сумасшедший...

Он смял в себе (слабак! слюняй! таких не берут в космонавты!) жестокое, убрал взгляд, поднялся.

– А вообще, это моя... – пауза была почти неразличима, невесома и – нет, никакого отклика, не читала Марина классику! – неактуальна, – ...это племянница моя. Только вчера из Полесья, как снег на голову. Ну, и как-то же ее в свет надо, театр, ресторан – понимаешь, да? Короче, приодеть ее нужно. Ну, так, чтобы не просто дорого-богато, а чтоб со вкусом, чтоб не стыдно было – поможешь, а? Нет, ну а к кому еще мне обратиться?

Глаза божества сморгнули, убирая поволоку.

– Ох, Снегирев, Снегирев... С огнем играешь!

Неопределенность двусмыслия (на верном пути!) подстег-

нула, ободрила.

– Так поможешь?

– Веревки из нас вьете... Ладно, давай свою племянницу...

Спустя час они вышли на улицу, во влажный послеобеденный зной. Снегирев церемонно открыл дверцу перед Таней, оглянулся, помахал (смотрит Маринка, конечно, смотрит!) камере видеонаблюдения. Ну да, промежуточно, несущественно, и что? Какая-никакая, а – победа.

Он выехал с парковки, влился в поток. Ощущение безвозвратности, оторванности так и не проходило, он застрял где-то на полпути между небом и землей, прошлым и будущим, в какой-то иррациональной, неопределенной реальности; не оставляло ощущение, что все не взаправду, что все еще можно отыграть, вернуть. И будто он на канате над пропастью, и тревожно, зыбко, но страха нет, наоборот тянет, тянет куда-то в неизведанное, неизвестное, помещенное почему-то в узеньком тесном коридорчике – не вырваться, не свернуть. И будто это не он, а кто-то другой, с кем неразрывная энергетическая и ментальная связь, и этот кто-то ходит, что-то делает, думает, чувствует – живет за него. Да что это с ним? что происходит? Кажется, впервые в жизни с ним такое!

Из задумчивости вывела тишина – ах, да! с ним же эта девчонка! Таня! его же должны благодарить!

Он оторвался от дороги, бросил взгляд.

– Что-то не так?

Девчонка (вот же чертовка!) пожала плечами, промолчала. Странное и непонятное, не переставая, тащило, толкало вперед, он продолжал:

– Такая разговорчивая была, эрудированная. И вдруг – как в рот воды.

– Неловко просто, – периферийным зрением – ерзание, смущение. – столько внимания... Ты, женщина эта. Она директор, да? То есть, директриса?

– Ну да. А что? Напрягает?

– Ну, вообще-то... А ты... Ты любовницей меня сделать хочешь?

Ага! Снегирев мысленно пасовал двойнику – давай, дружок, реагируй! Назвался груздем, как говорится.

– А что такого? Сама же говорила – красивый, не ушла бы. Или что-то изменилось?

Девчонка молчала, кусала губы – как трогательно!

– Не знаю... Мне еще никогда таких подарков не делали... И за что? – спрашивается. Ведь не за спасибо же?

Ага, вот только осталось в любви признаться! Нет, надо сбавить обороты. Господи! да что ж с ним такое!

– Да ладно, расслабься. Считай – просто так, из обычной человеческой эмпатии. Может же один человек что-то сделать хорошему другому? Вот так – от чистого сердца? Импульсивно?

Девчонка поджала губы.

– Это очень дорого, я видела ценники.

И слова находятся, приходят откуда-то, сами выстраиваются в предложения.

– Так ведь и я – не на помойке себя нашел. – он покосился. – И ты – не дешевка.

Таня улыбнулась – он не видел, скорее, угадал, почувствовал эту улыбку – светлую, застенчивую.

– Просто я – совестливая, понимаешь... Есть еще такие дурочки...

Ага, а теперь – немного снисходительности, цинизма – глядишь, и вырулим куда-нибудь.

– Вот и плохо, Танечка! Оказанная услуга не стоит ничего – заруби себе на носу! И вообще, привыкай к мысли: ты никому и ничего не должна!

Улыбка мутировала усмешкой.

– Да, я знаю. Все так говорят. Но мне кажется, что все просто хотели бы так жить, но не у всех получается...

Вырулили! Куда ж тебя занесло!

– Я понял – я разговариваю с инкарнацией матери Терезы и Махатмы Ганди в одном флаконе. Еще скажи – «все люди добрые».

Справа – замешательство, смешок.

– Нет, конечно. Но каждый в жизни хоть раз, но обязательно сделает добро.

Двойник, хитрец таки вывернулся:

– Ну, считай, что для меня это и был тот самый раз.

– А мне кажется – не первый и не последний. И не единственный. Мне кажется, ты больше добрый, чем злой. – она помолчала. – Наверно, просто сделал что-то нехорошее и совесть мучает, пытаешься загладить вину. Мной в том числе.

Так, вот здесь лучше промолчать.

– Ты ей, все-таки, изменил, да?

Ну что? А теперь как выкрутишься? Двойник – ничтоже сумняшеся – демонстративно-назидательно откашлялся, девчонка засмеялась

– Ладно, не мое дело. Куда мы едем?

– Я – домой, ты – в салон. Маникюр-педикюр, укладка-завивка всякие.

– Ух ты! Праздник продолжается! – трансляция предвкушения и энтузиазма, но голос бесцветный, безрадостный; он остановил машину.

– Ты огорчена? Тебя что-то не устраивает?

– Нет, все нормально... – Таня подняла на него глаза. – Просто неожиданно все как-то...

И снова – эта зыбкость, незавершенность, недосказанность! Он хлопнул в ладоши, преувеличенно бодро скомандовал:

– Все! давай на выход! Закончишь – заеду!

Дом встретил тишиной, летней, пыльной, скучной, особенно гнетущей, несообразной в это время года. И пусто-

той, – он уже и забыл – каково это, возвращаться в пустой дом. Впрочем, квартирка эта, купленная сразу после свадьбы, так и не стала домом – кондоминиум, угол, вложение капитала, престижная и дорогая игрушка, предмет роскоши и гордости – что угодно, но только не дом. Много в его жизни было мест обитания, и любое, даже убогий студенческий пенал, даже обшарпанную гостиничную ночлежку можно было назвать домом с большим успехом. Впрочем, будем объективны – ко всему перечисленному выше не предъявлялось каких-то особенных, да и вообще никаких! – требований, просто – крыша над головой, тепло, безопасность. А здесь – целый дом! Со всеми вытекающими, с опциями потенциального гнездышка – уютом, комфортом, любовью! Желанием не покидать и возвращаться! – увы, ничего похожего так и не сформировалось, не осело в подкорке естественностью и непреложностью, неоспоримостью само собой разумеющегося. Что ж, да, наверно – эгоизм-гедонизм, пресыщение, оторванность от жизни. И – увы! из песни слов! – разочарование, в том числе и – самое главное – в супружестве. И ведь любил, любил Вику! И до сих пор любит, увидел сегодня – жаром обдало, будто теркой по сердцу прошлись. Но – вот так, будто герой анекдота: «в неволе не размножаемся». А сейчас вдобавок еще и стыдно, стыдно! И перед самим собой, и перед ней! И перед тестем, когда-то вручившим ее, как величайшую ценность на планете – все, что осталось от покойной красавицы жены. Эх, тесь-тестюшка-надежа,

незабвенный Артур Яковлевич, в определенных кругах «Артурчик»! покровитель и поручитель, неизменный и непрестанный благодетель, столько раз выручавший, подставлявший плечо и бросавший спасательный круг! – как теперь смотреть в глаза! И тебе, и всем-всем-всем – родственникам, подругам-друзьям – как? А никак! Каким кверху! Просто он козел и урод! Чмо неблагодарное, говенный муж и зять, так бы взять и расквасить морду – вот и все, чего он заслуживает! Он вспомнил Таню – да, добрый, ничего не скажешь! Еще и ребенка бедного в игрища свои втянул! Опаньки! Вот уже и «Таня», и «ребенок»! – быстро же он ударился в уменьшительно-ласкательное! вот этого еще не хватало!

Он чертыхнулся, пнул ногой ни в чем не повинный шифоньер – эй, мачо хренов! где твой пофигизм, толстокожесть? Хваленые, патентованные, апробированные многократно, регулярно апгрейдируемые? Ох, Снегирев, Снегирев! И далась тебе эта – Господи! как же ее? – ах, да! Ангелина! Ну да, формы, мордашка смазливая – и что! Ну, ладно бы пацаном был или геологом-подводником каким с синдромом перманентной сексуальной дислексии – но ты-то! ты! С твоими компетенциями, послужным списком! Куда тебя понесло! И хуже всего, что и вышло все пошленько, паскудно, ничего эпического, знаменательного – стандартный адюльтер, низведенный итеративностью повторения до формата банальной случки: съемная мебелишка, паттерны ущербных ролей. И ведь не хотел! ей-богу! С самого начала вороти-

ло-коротило! Но, тем не менее – факт, как говорится, на лице. И – как ни странно, расскажи кому – не поверят же! – не его вина, не в нем дело! Нет, в нем, конечно, но он просто поддался, повелся! И неважно, что двигало ей, но вот, что им – известно абсолютно точно. И нет, граждане, совсем не похоть. И не азарт, и не жажда мести – кому ему мстить-то! Это – внимание! барабанная дробь – доброта. Да! да! представляете! та самая, не к ночи упомянутая этой юной новоявленной блаженной! – он просто пожалел ее, эту чертову, откуда только на голову свалилась! как же ее? – Ангелину! Пожалел ее (неловкие, надо признать) старания, весь этот эротико-искусительный (тоже достаточно неуклюжий) перфоманс. Да, да, «я не слабый, просто добрый»! И вот теперь – уж теперь-то точно! – судьба всю оттопчется-отыграется! все припомнит! такое упускать – себя не уважать! И грядет неминуемое в таких случаях изгойство, подгоняемое слухами-сплетнями, одна другой нелепее, травля, и вся жизнь – под откос, и все – под откос! И все – ради нескольких часов сомнительного удовольствия и еще вот этого – какой-то мифической, надуманной доброты! Только вот расплата будет совсем не мифической – чего один тесть стоит! – черт! даже и думать не хочется! «Но есть и Божий суд, наперсники разврата» – это как раз об этом! И еще по прежним долгам не рассчитался, а уже влезает в новые – «Таня», «ребенок»! Или это не долги? Другое? Поди разберись сейчас, во всей этой круговерти! в отражениях-преломлениях!

Можно, конечно – да уже! уже теплится что-то такое! – со-
стряпать что-нибудь компенсационное, оправдательное. Как-
кую-нибудь душещипательную теорию-историю. Об очень
похожей (да-да! вылитая Инка, как две капли!) на нее девуш-
ке, о том, как пришлось бросить ее ради Вики. Хотя, вряд ли
это будет уж так убедительно. Да и никого он не бросал, про-
сто вышло так – как и всегда в таких случаях – глупо, опро-
метчиво. Или, все-таки, бросал? Ведь до сих пор вспоминает,
спотыкается – все никак не отпустит, не успокоится. И по-
хожесть их, и все, что было потом и до сих пор продолжается –
еще одно тому доказательство и свидетельство; бег по кругу,
неукоснительные кармические грабли. Ну да, пусть и с опоз-
данием, пусть и с патерналистских (да! да! именно с патерна-
листских!) позиций! – так себе тезис, конечно, но отступить
некуда. Да и не хочется – ощущения непередаваемые – будто
над пропастью, один на один против всего мира. Да и добро-
та – только одна сторона медали, охотничьи инстинкты ни-
кто не отменял.

И еще раз – убеждая себя, что машинально – проверить
входящие: пару уведомлений, от Вики – ничего. Ну и ладно!
подумаешь! Он отбросил телефон, поплелся в душ.

III

Снегирев даже не понимал, чего хотел (или боялся?) больше – того, что Таня его дождется или того, что уйдет, не дождавшись; за неимением визуального контакта романтический порыв как-то подугас. Всю дорогу маячило, преследовало конформистское, трусливенькое – он приезжает, а ее нет. И все – и ни телефона, ни адреса, ну, погрустит, поностальгирует немного, и все на том – проходная, не заслуживающая внимания и никого ни к чему не обязывающая проза будней, судорога памяти.

Но она не убежала – именно такая, ни с того, ни с сего категорическая формулировка отложилась в голове. Хотя, он сразу и не узнал ее в листающей журнал стильно-уверенной, эффектно-элегантной красавице – экспертно ухоженная, повзрослевшая и в то же время сохранившая неуклюжую ребяческую повадку и непосредственность; золотистые локоны подстрижены и уложены, макияж, туалет «от Маринки»; сладко отозвалось, дрогнуло – так, Снегирев! давай-ка без глупостей!

– Привет.

Девушка отложила журнал, встала. Она уже освоилась с обновками, держалась естественно и раскованно.

– Привет. Не ожидал? Думал – сольюсь?

И снова – тревога, неизвестность, будто перед прыжком;

ох, Снегирев, Снегирев!

– Признаться – да. Кстати, вполне еще можешь, – он устался на ее красивые, загорелые ноги, добавил зачем-то: – В любой момент.

Она проследила за его взглядом, шутя, шлепнула сумкой.

– Да нет уж, погожу пока. Если я правильно поняла, мне обещан ужин в каком-то шикарном заведении, – почему я должна отказываться.

Придерживая под локоток, он провел ее к машине, галантно открыл дверцу.

– А если я маньяк? Решил таким образом усыпить твою бдительность, а сам планирую кровавую жатву?

Девушка фыркнула, усаживаясь.

– Это вряд ли. Если так, ты – самый глупый маньяк на свете – куча потраченных денег, куча свидетелей. Нет, безусловно, у маньяков... м-м-м ...определенный склад ума, но не до такой же степени.

Снегирев усмехнулся – дитя сериалов, нахваталась «криминальных хроник»; девушка продолжала:

– Меня с этой точки зрения больше волнует твоя супруга – вот решит разделаться со мной, вот это будет – ой-ой-ой. Судя по всему, довольно решительная и скорая на расправу особа.

– Не бойся – я тебя в обиду не дам. – позвучало слишком поспешно, легковесно, девушка промолчала.

– Слушай, зачем тебе это все?

Он помедлил, подбирая слова, – вдруг вырвалось, искреннее, неожиданное:

– Сам не знаю...

– И что? Ты просто из мести, да? Переклинило, да?

Снегирев посмотрел на часы – два ночи; ресторан, караоке позади, действие перенесено домой, в гостиную: акцептированный вариант канонической (вот тебе и патерналистские позиции, ага!) «чашечки кофе». Довольно затянувшийся, надо признаться; самое время – или разбежаться: такси, «пока-пока-увидимся», или сливаться в порыве страсти; для душещипательных бесед довольно поздновато. Разве что – последний штрих? для более верного позиционирования? Ведь до сих пор неясно – чего хочет он, чего – она; полная неопределенность.

– Ну, и не только из мести... – взметнулось вдруг, собралось, отозвалось: а и в самом деле – зачем? Ведь, скажи: из доброты – не поверит, еще и на смех поднимет. А для чего тогда? вернее – что соврать, какую версию предложить? И опять же – совершенно непонятно, чего хочет добиться он, что хочет услышать она. И ведь, кажется, права, права девчонка! попала в десятку! Сейчас, после «литры выпитой» это так ясно, так очевидно! Именно отомстить! Отомстить! За что? Топорщится, клубится что-то темненькое, мутное понизу, что – не разглядеть, не разобрать. Пока, во всяком случае. Впрочем, за чтобы ни было – можно после додумать,

но именно – отомстить! Хотя, это не отнимает и не отменяет ничего, и вообще! он скомкал, отбросил – не хватало вот только еще «осмысления», сеанс душевного стриптиза устраивать! Вот здесь, сейчас!

– Не люблю я ее, понимаешь! Не! Лю-блю! И я – взрослый и самостоятельный, и самодостаточный человек! Имею право!

Пьяный туман качался, соткался лицом жены; захотелось заплакать. Таня коснулась локтя – осторожное, вкрадчивое, будто лепестком цветка (мурашки по спине), прикосновение.

– А не жалко?

– Кого? Жену?

– Их обоих. Ту девушку. Ну, получается – ты ее использовал?

Дурман качнулся другим лицом, отозвалось дрябло, расхлябано.

– Вот еще... Она свое получила... – Господи! Господи! Зачем ты это все говоришь! Куда тебя несет! – И вообще. Никого не жаль. Каждый получает по заслугам.

Он закрыл глаза, откинулся на спинку. Таня была рядом – только протяни руку – дыхание, аромат, чуть терпкий, сладковатый с горчинкой.

– Не старайся казаться хуже, чем ты есть. Ты же не такой.

– Откуда ты знаешь?

– Просто знаю. Ты хороший. Запутался просто.

Снегирев открыл глаза, комната стронулась, поплыла, – Господи! зачем же он так напился!

– Еще выпить?

Девчонка пожала плечами

– Давай.

Он склонился над столом, разливая по бокалам. Сказать? Не сказать?

– Знаешь, в прошлой жизни мы уже были знакомы.

– Да-а? – Таня подобралась, устроилась поудобнее. – Расскажешь?

Он помолчал.

– Нечего рассказывать. Встречался с девушкой, она была очень на тебя похожа.

– И ее тоже звали Таня?

– Нет, ее звали по-другому. Инна ее звали. Но вы с ней – как две капли, глазам не поверил даже.

– Как романтично. А потом?

– А потом мы расстались.

– Почему?

– Не знаю... Не помню... Кажется, она уехала...

Таня смотрела поверх бокала.

– Понятно. Еще одна драма. Она – романтик и вся в искусстве, а он делает карьеру. Конфликт интересов, разлука, шрам на всю жизнь – так?

Пространство поплыло лицом, глазами совсем рядом, – да, да, разумеется, просто сходство, просто типаж, физионо-

мический территориальный геном, ничего сверхъестественного.

– Так, зайка. Ты меня раскусила.

Девушка отстранилась, улыбнулась.

– И поэтому – это все? Ностальгия, искупление-воздаяние, да?

Снегирев отвел глаза.

– Тебя это напрягает?

Девушка посерьезнела, стала старше.

– Меня ничего не напрягает, мне тебя жалко. И девушку ту, и жену твою – несчастные вы все. Хотя, вообще, все люди несчастные.

Снегирев хватался за обломки рационального, цинизма.

– Это из разряда – все люди хорошие? По-твоему, несчастный – значит, хороший, так? Или нет? хороший – значит несчастный?

Он снова потянулся к бутылке, но Таня перехватила руку.

– Все, хватит на сегодня. Где спать будем?

IV

Снегирев очнулся, несколько секунд барахтался в трансграничном, между сном и явью, дремотном предбаннике, анемичными стеночками едва сдерживающем клокочущий снаружи, в любую секунду готовый прорваться внутрь ужас мира. Через открытое окно – детские голоса, шум улицы, ага, слава богу – кажется, дома. Так, хорошо, а дальше? вернее – назад, что было-то, что предшествовало? Пазл складывался неохотно, предательски бликовал пустотами, свистел прорехами провалов, затертостей, приходилось прикладывать нешуточные усилия, чтобы выуживать из невразумительной и бессвязной породы золотники более или менее информативных фрагментов. Ну да, конечно – «отличился» вчера, снова пропустил, проигнорировал (а, может, и не захотел!) буйки, меру, отсюда и результат – беспамятство, мигрень, жажда. Так, хорошо, а отправные точки? Ага – Ангелина, Вика, Таня... Стоп – Таня! Он подхватился, пошарил взглядом – ну да, примятая подушка, свежекупленный вчерашний костюм на плечиках – не приснилось, не привиделось. И из глубины квартиры, со стороны кухни – звук бегущей из-под крана воды, запахи пищи; Снегирев откинул одеяло, оценивая состояние белья – вроде бы, все на месте, никаких – ох, ты ж, Господи! – следов! Что? Не было ничего? Или, все-таки, было? Господи! да что ж с памятью такое!

И непонятно – рад он или нет! А если рад или не рад – то чему! Он нашарил тапки, пошел на кухню.

Таня стояла у плиты, в его (быстро, однако!) майке, в ярком цветастом переднике поверх, нестерпимо юная, воздушная; краешком (вот же черт! неужели так-таки ничего не было?) сознания зацепилось, зафиксировалось: а ничего! годный материал! Услышав его присутствие, девушка обернулась: свежее, будто с рекламного буклета лицо, золотистая прядь на лоб, заныло, запершило, загорчило.

– О! Доброе утро! Уже хотела будить! – она чмокнула в щеку, и он опустился на табурет, мучительно извлекая детерминанту происходящего, собирая воедино признаки, приметы – так было что-нибудь?!

– Выглядишь эротично.

Девушка немедленно (ребенок совсем!) покраснела, и в самом деле, эротично – шейей, грудью.

– Не могла же я в наряде от кутюр к плите становиться! Так что, уж извини – пришлось позаимствовать.

Снегирев полез в холодильник, выудил пакет кефира, жадно приник; девушка недовольно-снисходительно (как же они быстро входят в роль!) покосилась.

– Сейчас завтракать будем. Яичница с беконом – устроить? – и тут же – ситуационные качели, будто оправдываясь: – Нет, я вообще-то все могу готовить, просто это – самое быстрое. И универсальное. И все, что удалось найти. – она поймала его взгляд, смутилась. – Не было ничего, ты уснул сразу...

Мысли кувыркнулись, скользнули юзом в когнитивный мусоропровод.

– Непонятно – жалеешь или иронизируешь? Или гордишься?

– И то, и другое. И третье, – она поставила перед ним тарелку с омлетом, чашку кофе – почему-то отметились: омлет элегантен, настолько, насколько элегантным может быть омлет – ломтики помидора, метелка укропа, эстетично прожаренная корочка. Только сейчас он заметил – раковина пуста, блестит, во всем – ухоженность и порядок.

– Выглядит аппетитно, – он положил еду в рот, обжегся. – У-у! и вкусно!

Девушка улыбнулась.

– Я умею готовить. – и ела она опрятно, чистенько, поблескивая белоснежными зубками; захотелось сесть рядом, прижаться губами, ощутить пьянящую бархатистую нежность. Черт! кажется, он свалил дурака, уснув! Конвейер мыслей послушно завертелся, выдал нейтральное, соответствующее: – Знаешь, вообще, рассказ такой есть, название не помню только. Автор – какой-то американец, кажется. Там герой тоже приютил одну девушку, и, оказалось, что она умеет готовить именно так, как надо, так, как он хотел бы, но объяснить никогда не мог, – магия какая-то, понимаешь? экстрасенсорика? Нет, в общем, рассказ не об этом, она нужна ему была для эксперимента, просто...

– Я читала этот рассказ.

Снегирев осекся, покрутил головой.

– Правда? Офигеть! Если честно, ты первая такая – у кого не спрошу, все круглые глаза делают.

– Может, ты не с теми общаешься? – да! да! конечно! иронизирует, чертовка!

Всплыли подробности, ночные откровения – так, кажется, пора вносить ясность, расставлять точки.

– Ладно, спасибо за завтрак. Куда тебя отвезти?

Девушка вздохнула.

– Вот и закончилась сказка, да? У тебя дела, семья, бизнес... А ты, Танюшенька, езжай обратно, в свои фавелы.

Слова вырвались, легкие, будто сотканные из воздуха – как и все это утро, эта кухня и девушка; стало тепло, светло.

– Но это же – всего несколько часов, пролетят – не заметишь.

Она коснулась его лица, – и снова – ощущение лепестка, мурашки, неожиданно серьезно, совсем по-взрослому выпустила паутинку морщинок в уголках глаз.

– Ага, не заметишь! Избаловали тебя бабы, тебе и не понять какво это...

Снегирев перехватил руку, поцеловал, – сейчас он верил себе, как никогда.

– Я позвоню. Обязательно. Обещаю.

Паутинка подобралась, расправилась.

– Не знаю... Почему-то верю... Такая вот я, доверчивая...

– Вот здесь останови. Все, приехали.

Снегирев притормозил у одноэтажного, с крохотным скудным палисадничком дома, выкрашенного в полинявшую коричневую краску, крытого ветхим, с прозеленью шифером. Что ж, ничто так не характеризует человека, как его жилище, – а чего он, собственно ожидал от девушки в разбитых босоножках, не побрезговавшей чужим кофе. Разочарование наложилось на раздражение – пришлось потратить уйму времени и нервов, выбираясь из обеденного городского трафика, продираясь сквозь светофоры и пробки – и все ради чего? чтобы убедиться в том, что должно было быть ясно с самого начала?

Таня улыбнулась.

– Да. Вот так. Здесь я живу.

Надо было, наверно, отнестись «с пониманием», но Снегирев не сдержался.

– Не царские палаты, конечно.

В янтарных глазах – и абсолютно предсказуемо, между прочим! – злость, обида.

– Не всем же быть звездами! Кому-то надо и на земле копошиться!

Снегирев (запоздало!) приложил руку к груди.

– Ну, не обижайся! Я совсем не то хотел сказать!

– Ладно... – Таня подняла глаза. – Так позвонишь?

– Позвоню, конечно.

– Потому, что я не буду звонить первая. – он мысленно

продолжил: «теперь не буду». И снова – колыхнулось, отозвалось щемяще, невнятно – да что с ним такое!

– Позвоню – обещал же! Ну все, пока! – Снегирев наклонился, подставил щеку для обряда финального чмока, – девушка полновесно обняла, прильнула.

– Я буду ждать!..

Хлопнула дверца, хлопнула калитка – в образовавшийся просвет на секунду показалась бетонная дорожка, дворик, гамак; повеяло дурашливым, беззаботным и беспечным, летним беспечальным привольем; чуть не заскулилось от досады и жалости к себе. Но дела звали, дела требовали – иконки на дисплее уже набрякли, пестрели десятком неотвеченных вызовов и сообщений, – заноза недовольства собой, вечной латентной тревоги, безотказный мультипликатор седых волос, преждевременных морщин, инфарктов и язв. Ладно, делать нечего, вернее, как раз-таки – есть чего, ох, есть! Снегирев еще раз с тоской взглянул на забор, представил гамак, себя и Таню на нем, развернулся, направил машину обратно, в центр.

В дворике офиса (золотистая с черным табличка «МТ» – сокращение от помпезного «МегаТурбо») было многолюдно, суетились расторопные и деловитые клерки и посетители, звонили телефоны, хлопали двери – стандартная рабочая атмосфера, зенит дня, – казалось бы, что ж тебе еще надо, гордись, радуйся – швейцарские часы, прекрасно отлаженный бизнес-механизм. Но «придурь», извечный и тщательно

скрываемый ген неуверенности и здесь отличился, похозяничал: откуда ни возьмись – приступ беспокойства, стыда: вот, люди с утра уже на ногах, а ты жирный, ленивый червяк и тд и тп. Впрочем, он уже был готов (всегда готов) к чему-то такому, мозг немедленно выдал спасительную инъекцию сарказма: вот же, блин! какие мы совестливые-нежные! да-да, конечно! А ничего, что все это – твоё детище? создано вот этими вот руками и в результате жестокой и бескомпромиссной борьбы? Что люди эти – отнюдь не батраки и не крепостные, что на дворе – худо-бедно – капитализм, и отношения работник-работодатель регламентированы Конституцией и Трудовым кодексом?

Он поднялся на этаж, открыл свой кабинет. Возясь с ключами, уже слышал через дверь телефонные трели, с тоской и обреченностью настраиваясь, разминая коммуникационный аппарат. Впрочем, всей работы – только принять решение, одно-единственное решение. То самое, от которого, между прочим и на минуточку, зависит благополучие всех этих «небатраков» и «некрепостных». Как-то так...

Он вошел в кабинет, снял трубку, бросив короткое «минуту» – последние мгновения перед каторгой; поднял жалюзи, распахнул окно. Вернулся к столу, вздохнул, взял трубку.

– Слушаю.

– Это я слушаю! – голос на том конце буквально сочился (в воображении немедленно возникли змеиные зубы) ядом. – Что у вас с Викой? Почему моя дочь третий день

плачет?

Ну, вот и они, первые ласточки.

– Артур Яковлевич, это не телефонный разговор.

– Хорошо, подъезжай, поговорим. Заодно и другой вопрос, финансовый обсудим. Когда тебя ждать? – голос наседал, требовал.

– Не знаю пока. Разберусь с делами, наберу.

Голос брякнул сухо, жестко:

– Не затягивай. Жду.

Снегирев повертел в руках задыхающуюся гудками, токсичную трубку. Как говорится – что и требовалось доказать. Можно, конечно, поюродствовать, пуститься в философию – дескать, нужно разделять бизнес и личную жизнь! тем более – чужую! Но не в этой стране и не с этим человеком. Артур Яковлевич, Артурчик – типичный реликт 90-х, некогда лидер криминальной группировки, «державшей» половину города, а ныне уважаемый и авторитетный бизнесмен, филантроп и меценат. И по совместительству – отец Вики и, соответственно, его тесть. Угораздило? Да фиг там! Намеренное, целенаправленное и осознанное действие, а вернее (да-да, все та же «придурь») – намеренно необдуманное: прогуляться по краю, подергать тигра за усы. Вот и подергал. А с другой стороны – на что рассчитывал? надеялся? С таким-то багажом, бэкграундом?

В дверь постучали, не дожидаясь ответа, открыли; в проме показавшись физиономия Севы Сивцева – исполнитель-

ного директора «МТ».

– Здесь уже? – я машину увидел. Пошептаться бы...

Снегирев сделал приглашающий жест, Сева вошел. И сразу, с места в карьер:

– Смотри, тут такая ситуация...

«Ситуация» была очередным этапом торговой войны между «МТ» и «Ренессансом», фирмой, принадлежащей бывшему партнеру и даже приятелю, а ныне – конкуренту и, увы, даже врагу Вовке Дубровскому. В течение нескольких последних лет «МТ» и «Ренессанс» понемногу подмяли всю предпринимательскую мелочь вокруг себя, поделив рынок примерно поровну; шансы сторон в противостоянии соответственно оценивались так же, примерно пятьдесят на пятьдесят. Сильной стороной «Ренессанса» был «банковский» сектор, – сказывалась близость руководителя последнего к финансово-кредитным организациям, на стороне «МТ» были безупречная репутация и связи Артура. Конкуренция, стартовавшая однажды как спортивно-приятельская забава, на момент описываемых событий выросла в едва ли не полноценные боевые действия, деятельность, поглощавшую львиную долю ресурсов и времени, и ставшую для бывших компаньонов призмой, сквозь которую рассматривалось решительно все, так или иначе имеющее отношение к их бизнес-империям. Нечего было и думать – разойтись полюбовно, позабыв былое, удовольствовавшись уже имеющимся; каждый день добавлял все новые и новые занозы, за-

водил ситуацию все дальше и дальше, туда, где уже невластны и недействительны никакие компромиссы. Апофеозом, долженствующим расставить точки и определить, наконец, сильнейшего, готовился стать тендер, объявленный крупнейшим региональным застройщиком. Победитель получал пакет контрактов с бюджетом со многими нолями и – самое главное – непререкаемый и неувядающий авторитет – мощнейший удар по самолюбию и репутации противника.

Снегирев – чего греха таить – был довольно близок (с легкой руки вездесущего тестя) с руководителем той самой организации-застройщика, по совместительству являющегося (какая неожиданность!) председателем тендерной комиссии, и имел все основания надеяться на успех. Здесь мысль споткнулась, выдала неожиданное: «имел бы». Сразу вспомнился последний разговор, полный злобы голос – неужели драгоценный, но не в меру темпераментный тещюшка решится, сольет? Да нет, не должен, эмоции – эмоциями, но, все-таки – взрослые, ответственные люди, бизнесмены. К тому же, в том пакете приличная доля и его интереса, – что ж он, враг самому себе? А коней на переправе не меняют; ну, поскандалят, может, даже сильно поскандалят, но утихнет все со временем, рассосется. Должно рассосаться... Или нет?..

– ...Эй! Ты где? Слышишь меня? – Сева щелкал пальцами перед лицом. – Леха, ей-богу! Такое ощущение, что с самим собой разговариваю!

Снегирев вздохнул, потрепал помощника по плечу.

– Прости, отвлекся – личное. Так что там насчет банковских гарантий?..

Сева красноречиво (хороша песня – заводи сначала!) прокашлялся, стал повторять только что рассказанное – проносил слова нарочито медленно, тщательно выговаривая и оставляя паузы, заглядывая в глаза – в другой раз и по шею мог бы получить, но не сегодня, конечно же. Сегодня – что ж за день такой! – будто пыльным мешком ударили. И не сказать, чтоб похмелье, и не сказать, чтоб так уж малосонница подкосила – в свои тридцать с хвостиком и знать не знал, что такое усталость. Спортивная молодость, здоровые привычки не позволяли раскисать, в случае необходимости организм мобилизовывался, мог работать сутками, с небольшими перерывами на сон и еду, но сегодня все эти скилы куда-то подевались. Мысли сновали, скользили по поверхности смысла, пробуксовывая, не проникая вглубь, не ухватывая сути, интуиция, безукоризненная и безошибочная всегда стрелка компаса тоже плыла, барахталась бельевой веревкой; неожиданно Снегирев понял: ему плевать на то, что рассказывает Сева. Да-да, ему это все категорически не интересно, нестерпимо скучно и глубоко безразлично; в последнюю минуту он едва успел погасить зевок.

– ...Понимаешь? – Сева подвесил очередную паузу, плеснулось (этого еще не хватало!) раздражение.

– Да понимаю, понимаю я! – он не успел спрятать гримаску, отвернулся; Сева выглядел озадаченным.

– Да, но если удастся протащить это в требования, у них будет преимущество. Причем, нехилое и на пустом месте! Для Вовки (для Дубровского, Вовка – уже апеллятив!) получить гарантии – как два пальца, а для нас – целая история. Если ты забыл, напоминаю: оборотных средств на счете – ноль целых хрен десятых, а груз на таможне будет уже через неделю, самое позднее – через две, и надо будет вносить платеж. И если что-то сорвется... – он завел глаза к потолку, – ...я себе этого не прощу: единственный комплект, уникальный, мы его полгода со всего мира по крупице подтаскивали, – просто даже думать о таком не хочется!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.